

Иван Тургенев Бежин луг

(Из цикла "Записки охотника")

Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце - не огнистое, не раскаленное, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно лучезарное - мирно всплывает под узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится а лиловый ее туман. Верхний, тонкий край растянутого облачка засверкает змейками; блеск их подобен блеску кованого серебра... Но вот опять хлынули играющие лучи, - и весело и величава, словно взлетая, поднимается могучее светило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. Подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются с места; далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они так же лазурны, как небо: они все насквозь проникнуты светом и теплотой. Цвет небосклона, легкий, бледно-лиловый, не изменяется во весь день и кругом одинаков; нигде не темнеет, не густеет гроза; разве кое-где протянутся сверху вниз голубоватые полосы: то сеется едва заметный дождь. К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределенные, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось так же спокойно, как спокойно вошло на небо, алое сияние стоит недолгое время над потемневшей землей, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нем вечерняя звезда. В такие дни краски все смягчены; светлы, но не яркие; на всем лежит печать какой-то трогательной кротости. В такие дни жар бывает иногда весьма силен, иногда даже "парит" по скатам полей; но ветер разгоняет, раздвигает накопившийся зной, и вихри-круговороты - несомненный признак постоянной погоды - высокими белыми столбами гуляют по дорогам через пашню. В сухом и чистом воздухе пахнет полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за час до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желает земледелец для уборки хлеба...

В такой точно день охотился я однажды за тетеревами в Чернском уезде, Тульской губернии. Я нашел и настрелял довольно много дичи; наполненный ягдташ немилосердно резал мне плечо; но уже вечерняя заря погасала, и в воздухе, еще светлом, хотя не озаренном более лучами закатившегося солнца, начинали густеть и разливаться холодные тени, когда я решился наконец вернуться к себе домой. Быстрыми шагами прошел я длинную "площадь" кустов, взобрался на холм и, вместо ожидаемой знакомой равнины с дубовым леском направо и низенькой белой церковью в отдалении, увидел совершенно другие, мне не известные места. У ног моих тянулась узкая долина; прямо, напротив, крутой стеной возвышался частый осинник. Я остановился в недоумении, оглянулся... "Эге! - подумал я, - да это я совсем не туда попал: я слишком забрал вправо", - и, сам дивясь своей ошибке, проворно спустился с холма. Меня тотчас охватила неприятная, неподвижная сырость, точно я вошел в погреб; густая высокая трава на дне долины, вся мокрая, белела ровной скатертью; ходить по ней было как-то жутко. Я поскорей выкарабкался на другую сторону и пошел, забирая влево, вдоль осинника. Летучие мыши уже носились над его заснувшими верхушками, таинственно кружась и дрожа на смутно-ясном небе; резво и прямо пролетел в вышине запоздалый ястребок, спеша в свое гнездо. "Вот как только я выйду на тог угол, - думал я про себя, - тут сейчас и будет дорога, а с версту крюку я дал!"

Я добрался наконец до угла леса, но там не было никакой дороги: какие-то некошеные, низкие кусты широко расстилались передо мною, а за ними, далёко-далёко, виднелось пустынное поле. Я опять остановился. "Что за притча?.. Да где же я?" Я стал припоминать,

как и куда ходил в течение дня... "Э! да это Парахинские кусты! - воскликнул я наконец, - точно! вон это, должно быть, Синдеевская роща... Да как же это я сюда зашел? Так далеко?... Странно"! Теперь опять нужно вправо взять".

Я пошел вправо, через кусты. Между тем ночь приближалась и росла, как грозная туча; казалось, вместе с вечерними парами отовсюду поднималась и даже с вышины лилась темнота. Мне попала какая-то неторная, заросшая дорожка; я отправился по ней, внимательно поглядывая вперед. Все кругом быстро чернело и утихало, - одни перепела изредка кричали. Небольшая ночная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своих мягких крыльях, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула в сторону. Я вышел на опушку кустов и побрел по полю межой. Уже я с трудом различал отдаленные предметы; поле неясно белело вокруг; за ним, с каждым мгновением надвигаясь, громадными клубами вздымался угрюмый мрак. Глухо отдавались мои шаги в застывающем воздухе. Побледневшее небо стало опять синеть - но то уже была синевая ночь. Звездочки замелькали, зашевелились на нем.

Что я было принял за рощу, оказалось темным и круглым бугром. "Да где же это я?" - повторил я опять вслух, остановился в третий раз и вопросительно посмотрел на свою английскую желто-пегую собаку Дианку, решительно умнейшую из всех четвероногих тварей. Но умнейшая из четвероногих тварей только повиляла хвостиком, уныло моргнула усталыми глазками и не подала мне никакого дельного совета. Мне стало совестно перед ней, и я отчаянно устремился вперед, словно вдруг догадался, куда следовало идти, обогнул бугор и очутился в неглубокой, кругом распаханной ложине. Странное чувство тотчас овладело мной. Лощина эта имела вид почти правильного котла с пологими боками; на дне ее торчало стоямя несколько больших, белых камней, - казалось, они сползли туда для тайного совещания, - и до того в ней было немо и глухо, так плоско, так уныло висело над нею небо, что сердце у меня сжалось. Какой-то зверок слабо и жалобно пискнул между камней. Я поспешил выбраться назад на бугор. До сих пор я все еще не терял надежды сыскать дорогу домой; но тут я окончательно удостоверился в том, что заблудился совершенно, и, уже нисколько не стараясь узнавать окрестные места, почти совсем потонувшие во мгле, пошел себе прямо, по звездам - наудалую... Около получаса шел я так, с трудом переставляя ноги. Казалось, отроду не бывал я в таких пустых местах: нигде не мерцал огонек, не слышалось никакого звука. Один пологий холм сменялся другим, поля бесконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдруг из земли перед самым моим носом. Я все шел и уже собирался было прилечь где-нибудь до утра, как вдруг очутился над страшной бездной.

Я быстро отдернул занесенную ногу и, сквозь едва прозрачный сумрак ночи, увидел далеко под собою огромную равнину. Широкая река огибала ее уходящим от меня полукругом; стальные отблески воды, изредка и смутно мерцаая, обозначали ее течение. Холм, на котором я находился, спускался вдруг почти отвесным обрывом; его громадные очертания отделялись, чернея, от синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, в углу, образованном тем обрывом и равниной, возле реки, которая в этом месте стояла неподвижным, темным зеркалом, под самой кручью холма, красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька. Вокруг них копошились люди, колебались тени, иногда ярко освещалась передняя половина маленькой кудрявой головы...

Я узнал наконец, куда я зашел. Этот луг славится в наших околотках под названием Бежина луга... Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно в ночную пору; ноги подкашивались подо мной от усталости. Я решился подойти к огонькам и в обществе тех людей, которых принял за гуртовщиков, дожидаться зари. Я благополучно спустился вниз, но не успел выпустить из рук последнюю ухваченную мною ветку, как вдруг две большие, белые, лохматые собаки со злобным лаем бросились на меня. Детские звонкие голоса раздались вокруг огней; два-три мальчика быстро поднялись с земли. Я откликнулся на их

вопросительные крики. Они подбежали ко мне, отозвали тотчас собак, которых особенно поразило появление моей Дианки, и я подошел к ним.

Я ошибся, приняв людей, сидевших вокруг тех огней, за гуртовщиков. Это просто были крестьянские ребяташки из соседних деревень, которые стерегли табун. В жаркую летнюю пору лошадей выгоняют у нас на ночь кормиться в поле: днем мухи и оводы не дали бы им покоя. Выгонять перед вечером и пригонять на утренней заре табун - большой праздник для крестьянских мальчиков. Сидя без шапок и в старых полушубках на самых бойких клячонках, мчатся они с веселым гиканьем и криком, болтая руками и ногами, высоко подпрыгивают, звонко хохочут. Легкая пыль желтым столбом поднимается и несется по дороге; далеко разносится дружный топот, лошади бегут, наострив уши; впереди всех, задравши хвост и беспрестанно меняя ноги, скачет какой-нибудь рыжий космач, с репейником в спутанной гриве.

Я сказал мальчикам, что заблудился, и подсел к ним. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили. Я прилег под обглоданный кустик и стал глядеть кругом. Картина была чудесная: около огней дрожало и как будто замирало, упираясь в темноту, круглое красноватое отражение; пламя, вспыхивая, изредка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкий язык света лизнет голые сучья лозника и разом исчезнет; острые, длинные тени, врываясь на мгновение, в свою очередь, добежали до самых огоньков: мрак боролся со светом. Иногда, когда пламя горело слабее и кружок света суживался, из надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнедая, с извилистой проточиной, или вся белая, внимательно и тупо смотрела на нас, проворно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчас скрывалась. Только слышно было, как она продолжала жевать и отфыркивалась. Из освещенного места трудно разглядеть, что делается в потемках, и потому вблизи все казалось задернутым почти черной завесой; но далее к небосклону длинными пятнами смутно виднелись холмы и леса. Темное чистое небо торжественно и необъятно высоко стояло над нами со всем своим таинственным великолепием. Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах - запах русской летней ночи. Кругом не слышалось почти никакого шума... Лишь изредка в близкой реке с внезапной звучностью плеснет большая рыба и прибрежный тростник слабо зашумит, едва поколебленный набежавшей волной... Одни огоньки тихонько потрескивали.

Мальчики сидели вокруг них; тут же сидели и те две собаки, которым так было захотелось меня съесть. Они еще долго не могли примириться с моим присутствием и, сонливо щурясь и косясь на огонь, изредка рычали с необыкновенным чувством собственного достоинства; сперва рычали, а потом слегка визжали, как бы сожалея о невозможности исполнить свое желание. Всех мальчиков был пять: Федя, Павлуша, Илюша, Костя и Ваня. (Из их разговоров я узнал их имена и намерен теперь же познакомить с ними читателя.)

Первому, старшему из всех, Феде, вы бы дали лет четырнадцать. Это был стройный мальчик, с красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми белокурыми волосами, светлыми глазами и постоянной полувеселой, полурассеянной улыбкой. Он принадлежал, по всем приметам, к богатой семье и выехал-то в поле не по нужде, а так, для забавы. На нем была пестрая ситцевая рубаха с желтой каемкой; небольшой новый армячок, надетый внакидку, чуть держался на его узеньких плечиках; на голубеньком поясе висел гребешок. Сапоги его с низкими голенищами были точно его сапоги - не отцовские. У второго мальчика, Павлуши, волосы были всклоченные, черные, глаза серые, скулы широкие, лицо бледное, рябое, рот большой, но правильный, вся голова огромная, как говорится, с пивной котел, тело приземистое, неуклюжее. Малый был неказистый, - что и говорить! - а все-таки он мне понравился: глядел он очень умно и прямо, да и в голосе у него звучала сила. Одеждой своей он щеголять не мог: вся она состояла из простой замашной рубахи да из заплатанных портов. Лицо третьего, Илюши, было довольно незначительно:

горбоносое, вытянутое, подслеповатое, оно выражало какую-то тупую, болезненную заботливость; сжатые губы его не шевелились, сдвинутые брови не расходились - он словно все шурился от огня. Его желтые, почти белые волосы торчали острыми косицами из-под низенькой войлочной шапочки, которую он обеими руками то и дело надвигал себе на уши. На нем были новые лапти и онучи; толстая веревка, три раза перевитая вокруг стана, тщательно стягивала его опрятную черную свитку. И ему и Павлуше на вид было не более двенадцати лет. Четвертый, Костя, мальчик лет десяти, возбуждал мое любопытство своим задумчивым и печальным взором. Все лицо его было невелико, худо, в веснушках, книзу заострено, как у белки; губы едва было можно различить; но странное впечатление производили его большие, черные, жидким блеском блестящие глаза: они, казалось, хотели что-то высказать, для чего на языке, - на его языке по крайней мере, - не было слов. Он был маленького роста, сложения тщедушного и одет довольно бедно. Последнего, Ваню, я сперва было и не заметил: он лежал на земле, смиренхонько прикорнув под угловатую рогожу, и только изредка выставлял из-под нее свою русую кудрявую голову. Этому мальчику было всего лет семь.

Итак, я лежал под кустиком в стороне и поглядывал на мальчиков. Небольшой котельчик висел над одним из огней; в нем варились "картошки", Павлуша наблюдал за ним и, стоя на коленях, тыкал щепкой в закипавшую воду. Федя лежал, опершись на локоть и раскинув полы своего армяка. Ильюша сидел рядом с Костей и все так же напряженно шурился. Костя понурил немного голову и глядел куда-то вдаль. Ваня не шевелился под своей рогожей. Я притворился спящим. Понемногу мальчики опять разговорились.

Сперва они покалякали о том и сем, о завтрашних работах, о лошадях; но вдруг Федя обратился к Ильюше и, как бы возобновляя прерванный разговор, спросил его:

- Ну, и что ж ты, так и видел домового?

- Нет, я его не видал, да его и видеть нельзя, - отвечал Ильюша сиплым и слабым голосом, звук которого как нельзя более соответствовал выражению его лица, - а слышал... Да и не я один.

- А он у вас где водится? - спросил Павлуша.

- В старой рольне*.

* "Рольней" или "черпальной" на бумажных фабриках называется то строение, где в чанах вычерпывают бумагу. Оно находится у самой плотины, под колесом. (Прим. И.С.Тургенева.)

- А разве вы на фабрику ходите?

- Как же, ходим. Мы с братом, с Авдюшкой, в лисовщиках состоим*.

* "Лисовщики" гладят, скоблят бумагу. (Прим. И.С.Тургенева.)

- Вишь ты - фабричные!..

- Ну, так как же ты его слышал? - спросил Федя.

- А вот как. Пришлось нам с братом Авдюшкой, да с Федором Михеевским, да с Ивашкой Косым, да с другим Ивашкой, что с Красных Холмов, да еще с Ивашкой Сухоруковым, да еще были там другие ребята; всех было нас ребяток человек десять - как есть вся смена; но а пришлось нам в рольне заночевать, то есть не то чтобы этак пришлось, а Назаров, надсмотрщик, запретил; говорит: "Что, мол, вам, ребятам, домой таскаться; завтра работы много, так вы, ребята, домой не ходите". Вот мы остались и лежим все вместе, и зачал Авдюшка говорить, что, мол, ребята, ну, как домовой придет?.. И не успел он, Авдей-то, проговорить, как вдруг кто-то над головами у нас и заходил; но а лежали-то мы внизу, а заходил он наверху, у колеса. Слышим мы: ходит, доски под ним так и гнутся, так и трещат; вот прошел он через наши головы; вода вдруг по колесу как зашумит, зашумит; застучит, застучит колесо, завертится; но а заставки у дворца-то* спущены.

Дивимся мы: кто ж это их поднял, что вода пошла; однако колесо повертелось, повертелось, да и стало. Пошел тот опять к двери наверху да по лестнице спущаться стал, и этак слушается, словно не торопится; ступеньки под ним так даже и стонут... Ну, подошёл тот к нашей двери, подождал, подождал - дверь вдруг вся так и распахнулась. Всполохнулись мы, смотрим - ничего... Вдруг, глядь, у одного чана форма** зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила этак по воздуху, словно кто ею полоскал, да и опять на место. Потом у другого чана крюк снялся с гвоздя да опять на гвоздь; потом будто кто-то к двери пошел да вдруг как закашляет, как заперхает, словно овца какая, да зычно так... Мы все так ворохом и свалились, друг под дружку полезли... Уж как же мы напужались о ту пору!

* "Дворцом" называется у нас место, по которому вода бежит на колесо. (Прим. И.С.Тургенева.)

** Сетка, которой бумагу черпают. (Прим. И.С.Тургенева.)

- Вишь как! - промолвил Павел. - Чего ж он раскашлялся?

- Не знаю; может, от сырости.

Все помолчали.

- А что, - спросил Федя, - картошки сварились?

Павлуша пощупал их.

- Нет, еще сыры... Вишь, плеснула, - прибавил он, повернув лицо в направлении реки, - должно быть, щука... А вон звездочка покатила.

- Нет, я вам что, братцы, расскажу, - заговорил Костя тонким голоском, - послушайте-ка, намердись что тятя при мне рассказывал.

- Ну, слушаем, - с покровительствующим видом сказал Федя.

- Вы ведь знаете Гаврилу, слободского плотника?

- Ну да; знаем.

- А знаете ли, отчего он такой все невеселый, все молчит, знаете? Вот отчего он такой невеселый. Пошел он раз, тятенька говорил, - пошел он, братцы мои, в лес по орехи. Вот пошел он в лес по орехи, да и заблудился; зашел - Бог знает куды зашел. Уж он ходил, ходил, братцы мои, - нет! не может найти дороги; а уж ночь на дворе. Вот и присел он под дерево; давай, мол, дождусь утра, - присел и задремал. Вот задремал и слышит вдруг, кто-то его зовет. Смотрит - никого. Он опять задремал - опять зовут. Он опять глядит, глядит: а перед ним на ветке русалка сидит, качается и его к себе зовет, а сама помирает со смеху, смеется... А месяц-то светит сильно, так сильно, явственно светит месяц - все, братцы мои, видно. Вот зовет она его, и такая вся сама светленькая, беленькая сидит на ветке, словно плотичка какая или пескарь, - а то вот еще карась бывает такой белесоватый, серебряный... Гаврила-то плотник так и обмер, братцы мои, а она знай хохочет да его все к себе этак рукой зовет. Уж Гаврила было и встал, послушался было русалки, братцы мои, да, зная, Господь его надоумил: положил-таки на себя крест... А уж как ему было трудно крест-то класть, братцы мои; говорит, рука просто как каменная, не ворочается... Ах ты этакой, а!.. Вот как положил он крест, братцы мои, русалочка-то и смеяться перестала, да вдруг как заплачет... Плачет она, братцы мои, глаза волосами утирает, а волоса у нее зеленые, что твоя конопля. Вот поглядел, поглядел на нее Гаврила, да и стал ее спрашивать: "Чего ты, лесное зелье, плачешь?" А русалка-то как взговорит ему: "Не креститься бы тебе, говорит, человеке, жить бы тебе со мной на веселии до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся же и ты до конца дней". Тут она, братцы мои, пропала, а Гавриле тотчас и понятственно стало, как ему из лесу, то есть, выйти... А только с тех пор он все невеселый ходит.

- Эка! - проговорил Федя после недолгого молчанья, - да как же это может этакая лесная нечисть христианскую душу спортить, - он же ее не послушался?

- Да вот поди ты! - сказал Костя. - И Гаврила баил, что голосок, мол, у ней такой

тоненький, жалобный, как у жабы.

- Твой батюшка сам это рассказывал? - продолжал Федя.

- Сам. Я лежал на полатах, все слышал.

- Чудное дело! Чего ему быть невеселым?.. А, знать, он ей понравился, что позвала его.

- Да, понравился! - подхватил Ильюша. - Как же! Защекотать она его хотела, вот что она хотела. Это ихнее дело, этих русалок-то.

- А ведь вот и здесь должны быть русалки, - заметил Федя.

- Нет, - отвечал Костя, - здесь место чистое, вольное. Одно - река близко.

Все смолкли. Вдруг, где-то в отдалении, раздался протяжный, звенящий, почти стелющийся звук, один из тех непонятных ночных звуков, которые возникают иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоят в воздухе и медленно разносятся наконец, как бы замирая. Прислушаешься - и как будто нет ничего, а звенит. Казалось, кто-то долго, долго прокричал под самым небосклоном, кто-то другой как будто отозвался ему в лесу тонким, острым хохотом, и слабый, шипящий свист промчался по реке. Мальчики переглянулись, вздрогнули...

- С нами крестная сила! - шепнул Илья.

- Эх вы, вороны! - крикнул Павел. - Чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились. (Все пододвинулись к котельчику и начали есть дымящийся картофель; один Ваня не шевельнулся.) Что же ты? - сказал Павел.

Но он не вылез из-под своей рогожи. Котельчик скоро весь опорожнился.

- А слышали вы, ребятки, - начал Ильюша, - что намерены у нас на Варнавицах приключилось?

- На плотине-то? - спросил Федя.

- Да, да, на плотине, на прорванной. Вот уж нечистое место, так нечистое, и глухое такое. Кругом все такие буераки, овраги, а в оврагах всё казули* водятся.

* По-орловскому: змеи. (Прим. И.С.Тургенева.)

- Ну, что такое случилось? рассказывай...

- А вот что случилось. Ты, может быть, Федя, не знаешь а только там у нас утопленник похоронен; а утопился он давным-давно, как пруд еще был глубок; только могилка его еще видна, да и та чуть видна: так - бугорочек... Вот, на днях, зовет приказчик псаря Ермила; говорит: "Ступай, мол, Ермил, на пошту". Ермил у нас завсегда на пошту ездит; собак-то он всех своих поморил: не живут они у него отчего-то, так-таки никогда и не жили, а псарь он хороший, всем взял. Вот поехал Ермил за поштой, да и замешкался в городе, но а едет назад уж он хмелен. А ночь, и светлая ночь: месяц светит... Вот и едет Ермил через плотину: такая уж его дорога вышла. Едет он этак, псарь Ермил, и видит: у утопленника на могиле барашек, белый такой, кудрявый, хорошенький, похаживает. Вот и думает Ермил: "Сем возьму его, - что ему так пропадать", да и слез, и взял его на руки... Но а барашек - ничего. Вот идет Ермил к лошади, а лошадь от него тарашится, храпит, головой трясет; однако он ее отпрукал, сел на нее с барашком и поехал опять: барашка перед собой держит. Смотрит он на него, и барашек ему прямо в глаза так и глядит. Жутко ему стало, Ермилу-то псарю: что мол, не помню я, чтобы этак бараны кому в глаза смотрели; однако ничего; стал он его этак по шерсти гладить, говорит: "Бяша, бяша!" А баран-то вдруг как оскалит зубы, да ему тоже: "Бяша, бяша..."

Не успел рассказчик произнести это последнее слово, как вдруг обе собаки разом поднялись, с судорожным лаем ринулись прочь от огня и исчезли во мраке. Все мальчики перепугались. Ваня выскочил из-под своей рогожи. Павлуша с криком бросился вслед за собаками. Лай их быстро удалялся... Послышалась беспокойная беготня встревоженного табуна. Павлуша громко кричал: "Серый! Жучка!.." Через несколько мгновений лай замолк; голос Павла принесли уже издалека... Прошло еще немного времени; мальчики с

недоумением переглядывались, как бы выжидая, что-то будет... Внезапно раздался топот скачущей лошади; круто остановилась она у самого костра, и, уцепившись за гриву, проворно спрыгнул с нее Павлуша. Обе собаки также вскочили в кружок света и тотчас сели, высунув красные языки.

- Что там? что такое? - спросили мальчики.

- Ничего, - отвечал Павел, махнув рукой на лошадь, - так, что-то собаки зачуяли. Я думал, волк, - прибавил он равнодушным голосом, проворно дыша всей грудью.

Я невольно полюбовался Павлушей. Он был очень хорош в это мгновение. Его некрасивое лицо, оживленное быстрой ездой, горело смелой удалью и твердой решимостью. Без хворостинки в руке, ночью, он, нимало не колеблясь, поскакал один на волка... "Что за славный мальчик!" - думал я, глядя на него.

- А видали их, что ли, волков-то? - спросил трусишка Костя.

- Их всегда здесь много, - отвечал Павел, - да они беспокойны только зимой.

Он опять прикорнул перед огнем. Садясь на землю, уродил он руку на мохнатый затылок одной из собак, и долго не поворачивало головы обрадованное животное, с признательной гордостью посматривая сбоку на Павлушу.

Ваня опять забился под рогожку.

- А какие ты нам, Илюшка, страхи рассказывал, - заговорил Федя, которому, как сыну богатого крестьянина, приходилось быть запевалой (сам же он говорил мало, как бы боясь уронить свое достоинство). - Да и собак тут нелегкая дернула залаять... А точно, я слышал, это место у вас нечистое.

- Варнавицы?.. Еще бы! еще какое нечистое! Там не раз, говорят, старого барина видали - покойного барина. Ходит, говорят, в кафтане долгополом и все это этак охает, чего-то на земле ищет. Его раз дедушка Трофимыч повстречал: "Что, мол, батюшка, Иван Иваныч, изволишь искать на земле?"

- Он его спросил? - перебил изумленный Федя.

- Да, спросил.

- Ну, молодец же после этого Трофимыч... Ну, и что ж тот?

- Разрыв-травы, говорит, ищу. - Да так глухо говорит, глухо: Разрыв-травы. - А на что тебе, батюшка Иван Иваныч, разрыв-травы? - Давит, говорит, могила давит, Трофимыч: вон Хочется, вон...

- Вишь какой! - заметил Федя, - мало, знать, пожил.

- Экое диво! - промолвил Костя. - Я думал, покойников можно только в родительскую субботу видеть.

- Покойников во всяк час видеть можно, - с уверенностью подхватил Ильюша, который, сколько я мог заметить, лучше других знал все сельские поверья... - Но а в родительскую субботу ты можешь и живого увидеть, за кем, то есть, в том году очередь помирать. Стоит только ночью сесть на паперть на церковную да все на дорогу глядеть. Те и пойдут мимо тебя по дороге, кому, то есть, умирать в том году. Вот у нас в прошлом году баба Ульяна на паперть ходила.

- Ну, и видела она кого-нибудь? - с любопытством спросил Костя.

- Как же. Перво-наперво она сидела долго, долго, никого не видала и не слыхала... только все как будто собачка этак залает, залает где-то... Вдруг, смотрит: идет по дорожке мальчик в одной рубашонке. Она приглянулась Ивашка Федосеев идет...

- Тот, что умер весной? - перебил Федя.

- Тот самый. Идет и головушки не подымает... А узнала его Ульяна... Но а потом смотрит: баба идет. Она вглядываться, вглядываться, - ах ты, Господи! - сама идет по дороге, сама Ульяна.

- Неужто сама? - спросил Федя.

- Ей-Богу, сама.

- Ну что ж, ведь она еще не умерла?

- Да году-то еще не прошло. А ты посмотри на нее: в чем душа держится.

Все опять притихли. Павел бросил горсть сухих сучьев на огонь. Резко зачернелись они на внезапно вспыхнувшем пламени, затрещали, задымились и пошли коробиться, приподнимая обожженные концы. Отражение света ударило, порывисто дрожая, во все стороны, особенно кверху. Вдруг откуда ни возьмись белый голубок, - налетел прямо в это отражение, пугливо повертелся на одном месте, весь обливаясь горячим блеском, и исчез, звеня крылами.

- Знать, от дому отбился, - заметил Павел. - Теперь будет лететь, покуда на что наткнется, и где ткнет, там и ночует до зари.

- А что, Павлуша, - промолвил Костя, - не праведная ли эта душа летела на небо, ась?

Павел бросил другую горсть сучьев на огонь.

- Может быть, - проговорил он наконец.

- А скажи, пожалуй, Павлуша, - начал Федя, - что, у вас тоже в Шаламове было видать предвиденье-то небесное?*

* Так мужики называют у нас солнечное затмение. (Прим. И.С.Тургенева.)

- Как солнца-то не стало видно? Как же.

- Чай, напугались и вы?

- Да не мы одни. Барин-то наш, хоша и толковал нам напередки, что, дескать, будет вам предвиденье, а как затемнело, сам, говорят, так перетрусился, что на-поди. А на дворовой избе баба-стряпуха, так та, как только затемнело, слышь, взяла да ухватом все горшки перебила в печи: "Кому теперь есть, говорит, наступило светопрестановление". Так шти и потекли. А у нас на деревне такие, брат, слухи ходили, что, мол, белые волки по земле побегут, людей есть будут, хищная птица полетит, а то и самого Тришку* увидят.

* В поверье о "Тришке", вероятно, отозвалось сказание об антихристе. (Прим. И.С.Тургенева.)

- Какого это Тришку? - спросил Костя.

- А ты не знаешь? - с жаром подхватил Ильюша. - Ну, брат, откентелева же ты, что Тришки не знаешь? Сидни же у вас в деревне сидят, вот уж точно сидни! Тришка - эвто будет такой человек удивительный, который придет; а придет он, когда наступят последние времена. И будет он такой удивительный человек, что его и взять нельзя будет, и ничего ему сделать нельзя будет: такой уж будет удивительный человек. Захотят его, например, взять хрестьяне; выйдут на него с дубьем, оцепят его, но а он им глаза отведет - так отведет им глаза, что они же сами друг друга побьют. В острог его посадят, например, - он попросит водицы испить в ковшике: ему принесут ковшик, а он нырнет туда, да и поминай как звали. Цепи на него наденут, а он в ладошки затрепещется - они с него так и попадают. Ну, и будет ходить этот Тришка по селам да по городам; и будет этот Тришка, лукавый человек, соблазнять народ хрестиянский... ну, а сделать ему нельзя будет ничего... Уж такой он будет удивительный, лукавый человек.

- Ну да, - продолжал Павел своим неторопливым голосом, - такой. Вот его-то и ждали у нас. Говорили старики, что вот, мол, как только предвиденье небесное зачнется, так Тришка и придет. Вот и зачалось предвиденье. Высыпал весь народ на улицу, в поле, ждет, что будет. А у нас, вы знаете, место видное, привольное. Смотрят - вдруг от слободки с горы идет какой-то человек, такой мудреный, голова такая удивительная... Все как крикнут: "Ой, Тришка идет! ой, Тришка идет!" - да кто куды! Староста наш в канаву залез; старостиха в подворотне застряла, благим матом кричит, свою же дверную собаку так запужала, что та с цепи долой, да через плетень, да в лес; а Кузькин отец, Дорофеич, вскочил в овес, присел, да и давай кричать перепелом: "Авось, мол, хоть птицу-то враг, душегубец, пожалеет".

Таково-то все переполошились!.. А человек-то это шел наш бочар, Вавила: жбан себе новый купил да на голову пустой жбан и надел.

Все мальчишки засмеялись и опять приумолкли на мгновенье, как это часто случается с людьми, разговаривающими на открытом воздухе. Я поглядел кругом: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свежесть позднего вечера сменила полуночная сухая теплынь, и еще долго было ей лежать мягким пологом на заснувших полях; еще много времени оставалось до первого лепета, до первых шорохов и шелестов утра, до первых росинок зари. Луны не было на небе: она в ту пору поздно всходила. Бесчисленные золотые звезды, казалось, тихо текли все, наперерыв мерцая, по направлению Млечного Пути, и, право, глядя на них, вы как будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бег земли...

Странный, резкий, болезненный крик раздался вдруг два раза сряду над рекой и, спустя несколько мгновений, повторился уже далее...

Костя вздрогнул. "Что это?"

- Это цапля кричит, - спокойно возразил Павел.

- Цапля, - повторил Костя... - А что такое, Павлуша, я вчера слышал вечером, - прибавил он, помолчав немного, - ты, может быть, знаешь...

- Что ты слышал?

- А вот что я слышал. Шел я из Каменной Гряды в Шашкино; а шел сперва все нашим орешником, а потом лужком пошел - знаешь, там, где он сугибелью* выходит, - там ведь есть бучило**; знаешь, оно еще все камышом заросло; вот пошел я мимо этого бучила, братцы мои, и вдруг из того-то бучила как застонет кто-то, да так жалостливо, жалостливо: у-у... у-у... у-у! Страх такой меня взял, братцы мои: время-то позднее, да и голос такой болезненный. Так вот, кажется, сам бы и заплакал... Что бы это такое было? ась?

* Сугибель - крутой поворот в овраге. (Прим. И.С.Тургенева.)

** Бучило - глубокая яма с весенней водой, оставшейся после половодья, которая не пересыхает даже летом. (Прим. И.С.Тургенева.)

- В этом бучиле в запрошлом лете Акима-лесника утопили воры, - заметил Павлуша, - так, может быть, его душа жалобится.

- А ведь и то, братцы мои, - возразил Костя, расширив свои и без того огромные глаза...

- Я и не знал, что Акима в том бучиле утопили: я бы еще не так напужался.

- А то, говорят, есть такие лягушки махонькие, - продолжал Павел, которые так жалобно кричат.

- Лягушки? Ну, нет, это не лягушки... какие это... (Цапля опять прокричала над рекой.) Эк ее! - невольно произнес Костя, - словно леший кричит.

- Леший не кричит, он немой, - подхватил Ильюша, - он только в ладоши хлопает да трещит...

- А ты его видал, лешего-то, что ли? - насмешливо перебил его Федя.

- Нет, не видал, и сохрани Бог его видеть; но а другие видели. Вот на днях он у нас мужичка обошел: водил, водил его по лесу, и все вокруг одной поляны... Едва-те к свету домой добился.

- Ну, и видел он его?

- Видел. Говорит, такой стоит большой, большой, темный, окутанный, этак словно за деревом, хорошенько не разберешь, словно от месяца прячется, и глядит, глядит глазами-то, моргает ими, моргает...

- Эх ты! - воскликнул Федя, слегка вздрогнув и передернув плечами, пфу!..

- И зачем эта погань в свете развелась? - заметил Павел. - Не понимаю, право!

- Не бранись, смотри, услышит, - заметил Илья.

Настало опять молчание.

- Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки, - раздался вдруг детский голос Вани, - гляньте на Божьи звездочки, - что пчелки роятся!

Он выставил свое свежее личико из-под рогожи, оперся на кулачок и медленно поднял кверху свои большие тихие глаза. Глаза всех мальчиков поднялись к небу и не скоро опустились.

- А что, Ваня, - ласково заговорил Федя, - что, твоя сестра Анютка здорова?

- Здорова, - отвечал Ваня, слегка картавя.

- Ты ей скажи - что она к нам, отчего не ходит?..

- Не знаю.

- Ты ей скажи, чтобы она ходила.

- Скажу.

- Ты ей скажи, что я ей гостинца дам.

- А мне дашь?

- И тебе дам.

Ваня вздохнул.

- Ну, нет, мне не надо. Дай уж лучше ей: она такая у нас добренькая.

И Ваня опять положил свою голову на землю. Павел встал и взял в руку пустой котельчик.

- Куда ты? - спросил его Федя.

- К реке, водицы зачерпнуть: водицы захотелось испить.

Собаки поднялись и пошли за ним.

- Смотри не упади в реку! - крикнул ему вслед Ильюша.

- Отчего ему упасть? - сказал Федя, - он остережется.

- Да, остережется. Всяко бывает: он вот нагнется, станет черпать воду, а водяной его за руку схватит да потащит к себе. Станут потом говорить: упал, дескать, малый в воду... А какое упал?.. Во-вон, в камыши полез, прибавил он, прислушиваясь.

Камыши точно, раздвигаясь, "шуршали", как говорится у нас.

- А правда ли, - спросил Костя, - что Акулина-дурочка с тех пор и рехнулась, как в воде побывала?

- С тех пор... Какова теперь! Но а говорят, прежде красавица была. Водяной ее испортил. Знать, не ожидал, что ее скоро вытащут. Вот он ее, там у себя на дне, и испортил.

(Я сам не раз встречал эту Акулину. Покрытая лохмотьями, страшно худая, с черным, как уголь, лицом, помутившимся взором и вечно оскаленными зубами, топчется она по целым часам на одном месте, где-нибудь на дороге, крепко прижав костлявые руки к груди и медленно переваливаясь с ноги на ногу, словно дикий зверь в клетке. Она ничего не понимает, что бы ей ни говорили, и только изредка судорожно хохочет.)

- А говорят, - продолжал Костя, - Акулина оттого в реку и кинулась, что ее полюбовник обманул.

- От того самого.

- А помнишь Васю? - печально прибавил Костя.

- Какого Васю? - спросил Федя.

- А вот того, что утонул, - отвечал Костя, - в этой вот в самой реке. Уж какой же мальчик был! и-их, какой мальчик был! Мать-то его, Феклиста, уж как же она его любила, Васю-то! И словно чуяла она, Феклиста-то, что ему от воды гибель произойдет. Бывало, пойдет-от Вася с нами, с ребятами, летом в речку купаться, - она так вся и встрепещется. Другие бабы ничего, идут себе мимо с корытами, переваливаются, а Феклиста поставит корыто наземь и станет его кликать: "Вернись, мол, вернись, мой светик! ох, вернись, соколик!" И как утонул. Господь знает. Играл на бережку, и мать тут же была, сено сгребала; вдруг слышит, словно кто пузыри по воде пускает, - глядь, а только уж одна Васина шапонец по воде плывет. Ведь вот с тех пор и Феклиста не в своем уме: придет да и ляжет

на том месте, где он утонул; ляжет, братцы мои, да и затынет песенку, - помните, Вася-то все такую песенку певал, - вот ее-то она и затынет, а сама плачет, плачет, горько Богу жалится...

- А вот Павлуша идет, - молвил Федя.

Павел подошел к огню с полным котельчиком в руке.

- Что, ребята, - начал он, помолчав, - неладно дело.

- А что? - торопливо спросил Костя.

- Я Васин голос слышал.

Все так и вздрогнули.

- Что ты, что ты? - пролепетал Костя.

- Ей-Богу. Только стал я к воде нагибаться, слышу вдруг зовут меня этак Васиным голосом и словно из-под воды: "Павлуша, а Павлуша!" Я слушаю; а тот опять зовет: "Павлуша, подь сюда". Я отошел. Однако воды зачерпнул.

- Ах ты, Господи! ах ты, Господи! - проговорили мальчики, крестясь.

- Ведь это тебя водяной звал, Павел, - прибавил Федя... - А мы только что о нем, о Васе-то, говорили.

- Ах, это примета дурная, - с расстановкой проговорил Ильюша.

- Ну, ничего, пушай! - произнес Павел решительно и сел опять, - своей судьбы не минуешь.

Мальчики приутихли. Видно было, что слова Павла произвели на них глубокое впечатление. Они стали укладываться перед огнем, как бы собираясь спать.

- Что это? - спросил вдруг Костя, приподняв голову.

Павел прислушался.

- Это кулички летят, посвистывают.

- Куда ж они летят?

- А туда, где, говорят, зимы не бывает.

- А разве есть такая земля?

- Есть.

- Далеко?

- Далеко, далеко, за теплыми морями.

Костя вздохнул и закрыл глаза.

Уже более трех часов протекло с тех пор, как я присоседился к мальчикам. Месяц взошел наконец; я его склонились к темному краю земли многие звезды не тотчас заметил: так он был мал и узок. Эта безлунная ночь, казалось, была все так же великолепна, как и прежде... Но уже, еще недавно высоко стоявшие на небе; все совершенно затихло кругом, как обыкновенно затихает все только к утру: все спало крепким, неподвижным, передрасветным сном. В воздухе уже не так сильно пахло, - в нем снова как будто разливалась сырость... Недолги летние ночи!.. Разговор мальчиков угасал вместе с огнями... Собаки даже дремали; лошади, сколько я мог различить, при чуть брезжущем, слабо льющемся свете звезд, тоже лежали, понутив головы... Сладкое забытие напало на меня; оно перешло в дремоту.

Свежая струя пробежала по моему липу. Я открыл глаза: утро начиналось. Еще нигде не румянилась заря, но уже забелелось на востоке. Все стало видно, хотя смутно видно, кругом. Бледно-серое небо светлело, холодело, синело; звезды то мигали слабым светом, то исчезали; отсырела земля, запотели листья, кое-где стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкий, ранний ветерок уже пошел бродить и порхать над землею. Тело мое ответило ему легкой, веселой дрожью. Я проворно встал и подошел к мальчикам. Они все спали как убитые вокруг тлеющего костра; один Павел приподнялся до половины и пристально поглядел на меня.

Я кивнул ему головой и пошел восвояси вдоль задымившейся реки. Не успел я отойти двух верст, как уже полились кругом меня по широкому мокрому лугу, и спереди, по

зазеленевшимся холмам, от лесу до лесу, и сзади по длинной пыльной дороге, по сверкающим, обгаренным кустам, и по реке, стыдливо синевшей из-под редяющего тумана, - полились сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого, горячего света... Все зашевелилось, проснулось, запело, зашумело, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зарделись крупные капли росы; мне навстречу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, принесли звуки колокола, и вдруг мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувший табун...

Я, к сожалению, должен прибавить, что в том же году Павла не стало. Он не утонул: он убится, упав с лошади. Жаль, славный был парень!